

Я уже собирался объяснить, но Ши Ичжи, всегда находчивый, локтем толкнул меня назад, не дав говорить. Затем, слегка покашливая и размахивая веером, он смущённо произнёс:

— Господин Хэ, я... я восхищаюсь вашей дочерью и, сам не зная как, оказался здесь. Случайно услышал, как она кричала о воре, вот и...

Он говорил отрывисто и уклончиво, и хотя между ними ничего не было, казалось, будто есть. Министр Хэ окинул взглядом высокую, усеянную крючьями стену своего двора, потом посмотрел на вора, которого двое слуг легко держали на земле, затем на меня и, наконец, на Ши Ичжи. Его брови задрожали:

— Племянник, ты очень любезен, но вор уже пойман. Ты...?

Ши Ичжи, приняв серьёзный вид, сложил руки в приветствии:

— Кхм, понял. Сейчас же удалюсь.

С этими словами он схватил меня и умчался прочь.

Как и ожидалось, не прошло и трёх дней, как из дома Хэ прислали отказ от свадьбы. Министр Хэ собственноручно исписал четыре листа бумаги, жалуясь на Ши Ичжи. Не используя ни единого бранного слова, он красочно и с преувеличениями описал события той ночи, выставив того вора сообщником Ши Ичжи, а меня — соучастником. В письме он писал, что раньше слышал о ветреном нраве Ши Ичжи, но считал это юношескими забавами, на которые можно закрыть глаза, полагая, что после женитьбы тот остепенится. Но не ожидал, что молодой человек станет ещё наглее и осмелится на такое в его доме. Семья Хэ, будучи учёной и благородной, не может породниться с таким родом.

Свадьба расстроилась, Ши Ичжи получил от отца взбучку, после чего почувствовал себя куда лучше и потащил меня праздновать.

Честно говоря, мне совсем не хотелось праздновать. Как говорится, шила в мешке не утаишь. Министр Хэ в письме заодно отчитал и меня, а учитывая, с каким усердием мой отец по три раза на дню навещал дом Ши, он наверняка обо всём узнает. Этой ночью мне точно несдобровать. Но, будучи друзьями больше двадцати лет, я не мог омрачить радость Ши Ичжи и позволил ему утащить себя.

Ши Ичжи заявил, что избавление от женитьбы — великая радость, и нужно отметить это в достойном месте, поэтому мы выбрали самый большой ресторан в столице. За столом я в дурном настроении постукивал по чашке:

— Не хочу тебя поучать, Ичжи, но в твоём возрасте у многих уже дети по улицам бегают. Почему ты так упорно от брака отказываешься? Женитьба же тебе ничуть не помешает!

— Вечно ты одно и то же твердишь. «Не хочу поучать, не хочу» — а поучаешь постоянно! — Ши Ичжи, уже изрядно выпив, уставился в пустоту и бесформенно распластался на столе, бормоча:

— Целый день только и слышу от тебя упрёки. Сегодня и я тебе скажу: а у тебя-то дети по улицам бегают?

Не смог его вразумить, зато сам попал под ответный удар. Мне стало неловко:

— Ты что, не в себе? Какое отношение это имеет? Разве не ты сам говорил — я гомосексуал, Ши Лань — лесбиянка, так что друг друга не осуждаем.

Ши Ичжи, подперев подбородок, поднял на меня взгляд, глаза блестели:

— Да? И чего ты добился за все эти годы своей нетрадиционности?

Лучше бы он не заводил об этом. При этих словах во мне вскипела горечь, которой не было выхода. Я опрокинул ещё кувшин вина, и Ши Ичжи перед глазами начал двоиться:

— Не говори. Какие там достижения... Я лишь недавно узнал, что мой возлюбленный... он уже с другим всё решил. Эх!

Чем дальше, тем сильнее било вино в голову. Я встал, поставив ногу на стул, и, пошатываясь, начал изливать душу:

— Любовь — как война: кто первый нападёт, тот и победил. Мне, брат, не повезло — я не успел даже начать, как всё кончилось. Просто тошно!

Ши Ичжи прикрыл глаза, слушая вполуха, казалось, вот-вот заснёт. Наконец он приподнял веки, взглянул на меня и оскалился:

— Шэньли, может, нам сойтись, чтобы друг другу помочь?

Я так и рухнул в кресло, от страха протрезвев наполовину. Выпрямившись, я строго посмотрел на Ши Ичжи, но тот уже грохнулся головой о стол, полностью отключившись.

Боже правый, какой же жуткий бред несёт пьяный.

Я отволоч Ши Ичжи обратно и от служанок узнал, что его родители с подарками пошли в дом Хэ извиняться. Поняв, что если вернусь сейчас, отец наверняка отгаскает меня за уши за безрассудство, я решил остаться в доме Ши, выпросил чашу похмельного отвара и отправился бродить по улицам.

Брожу-брожу и вышел к «Обители Бессмертных». Подняв голову, я уставился на большую вывеску и вспомнил о двух мисках пшённой каши, которые так и не передал Се Цзину. Горестная тоска поднялась из самой глубины сердца. Се Цзин, да я, видно, в прошлой жизни тебе должен! Ладно, не буду больше носить. Куплю себе миску и сам съем.

Повернул, чтобы войти, переступил порог, сделал пару шагов — и вернулся назад. Я наклонился, разглядывая маленького нищего, сидевшего у входа в «Обитель Бессмертных». Растрёпанный, грязный, тощий — лицо показалось знакомым. Я уже хотел заговорить, как нищий вдруг рванулся и ударился мне в грудь.

Вспомнил! Это был тот самый нищий, что опрокинул мою первую миску каши и сунул мне в руку записку.

Шэн Дайчуаню конец — оба раза для передачи сообщений он использует этот допотопный метод, ни капли творчества.

Самое главное... Инстинктивно я крепко зажал рукава, скрестив руки на груди, и крикнул:

— Стой! Ноги убери!

Нищий поднял голову, смущённо и растерянно глядя на меня. Я не стал с ребёнком спорить, присел и стал мягко уговаривать:

— Малыш, я знаю, что ты передаёшь сообщение. Если что-то есть, скажи мне на ухо потихоньку. Только, пожалуйста, больше не притворяйся вором и не шарись у меня по карманам.

Нищий медленно пришёл в себя, покосился на мою руку, сжимавшую рукав, на лице мелькнуло пренебрежение. Немного поколебавшись, он подбежал и прошептал мне на ухо:

— Завтра, в старом месте.

Я горько усмехнулся:

— Давай договоримся — может, не всегда встречаться в публичных домах?

Нищий покачал головой:

— Мне до этого дела нет. Тот человек велел передать тебе, но не говорил, что нужно передавать ответ обратно. За это нужно доплачивать.

Чёрт возьми! Что за времена! Даже нищие стали такими меркантильными и жадными!

Пшённая каша в «Обитатели Бессмертных» и вправду была вкусной. Я всё ещё хотел отнести миску Се Цзину. Возможно, именно потому, что дважды не смог этого сделать, я стал так одержим этой кашей.

Если подумать, я уже несколько дней не видел Се Цзина.

Допив кашу, я отправился обратно и по пути наткнулся на книжную лавку. Подумав, что в последние дни у отца плохое настроение и ради собственной задницы мне стоит его потешить, я решил купить пару книг.

Мой отец обожал, когда я читаю. Принесу стопку книг — он обрадуется и, возможно, меня простит.

Чем больше думал, тем вернее казалась эта идея. Подойдя к прилавку, я стал перебирать книги:

— Прошу прощения, учитель, есть ли у вас такие... чтобы читать было интересно?

Продавец взглянул на меня, его взгляд скользнул вниз, к висящему на поясе пропуску в резиденцию генерала, и холодное выражение мгновенно сменилось раболепной услужливостью. Сложив руки, он спросил:

— Есть, есть! Книги какого жанра вы желаете?

Я потер виски:

— Чтобы повеселее, без этих сплошных «следовательно» и «ибо».

Продавец на мгновение задумался, затем ловко вытащил из-под груды книг три тома и выстроил их в ряд. Улыбаясь, он указал на первую:

— «Записки о горах и водах» — о местных нравах и обычаях, расширяет кругозор. Большинство молодых господ столицы обожают её.

Я пролистал несколько страниц и покачал головой:

— Другую. Я не домосед, эти пейзажи мне уже приелись.

Продавец почесал нос и продолжил представлять вторую:

— «Предание о странствующих рыцарях» — недавно закончил писатель из Наньтуна. В продаже всего триста экземпляров. У кого в душе нет мечты о лёгкости, о вольной жизни? Отлично убивает время.

Я снова пролистал несколько страниц, покачал головой и цокнул языком:

— Всё же писатель — человек учёный. Даже эти семь боевые искусства у него вышли какими-то книжными. Неинтересно. Давайте другую.

Продавец нахмурился и принялся расхваливать третью:

— Эта — «Ядовитый лекарь». Она вам точно понравится! Рассказывает о разных лекарствах и народных средствах, многие рецепты уникальны, больше нигде не найти.

На этот раз я даже не стал листать, сразу покачав головой:

— Не нравится. Давайте другую.

Продавец медленно поднял на меня взгляд, на лице его читалось полное отчаяние:

— У вас есть хоть какое-то направление, господин? Хотя бы примерно скажите, что ищете, тогда я смогу что-то предложить.

Он был прав — заставлять его так тыкаться наугад было несправедливо. Я подумал и, жестикулируя, объяснил:

— Ну, такая... чтобы была понятной, на все вкусы, интересной, захватывающей, желательно с картинками, нескучная, чтобы время убить.

<http://bllate.org/book/15934/1423885>